

A full-page photograph of two hikers with large backpacks walking away on a rocky trail through a lush green forest. In the background, a deep valley and a steep, forested mountain peak are visible under a clear blue sky. The scene is bathed in bright sunlight, creating strong shadows and highlighting the vibrant green of the foliage.

Цена справедливого решения

Саша Троценко

Саша Троценко

Цена справедливого решения

«Автор»

2026

Троценко С.

Цена справедливого решения / С. Троценко — «Автор», 2026

Рядовая экскурсия в горы Абхазии превращается в борьбу за выживание. Попутчики пытаются спастись от вооруженного преследования и неведомой опасности. Их страшное путешествие наполнено борьбой со стихией, обстоятельствами и собственными убеждениями и экзистенциальными страхами. Главная угроза таится внутри самой группы, ведь все они оказались здесь не совсем случайно. Может ли жажда справедливости стать дорогой к глобальной катастрофе? Психологический триллер о внутренних страхах и решениях, которые ведут к гибели.

© Троценко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Цена справедливого решения

Глава

Саша Троценко

ЦЕНА СПРАВЕДЛИВОГО РЕШЕНИЯ

Рядовая экскурсия в горы Абхазии превращается в борьбу за выживание. Попутчики пытаются спастись от вооруженного преследования и неведомой опасности. Их страшное путешествие наполнено борьбой со стихией, обстоятельствами и собственными убеждениями и экзистенциальными страхами. Главная угроза таится внутри самой группы, ведь все они оказались здесь не совсем случайно. Может ли жажда справедливости стать дорогой к глобальной катастрофе? Психологический триллер о внутренних страхах и решениях, которые ведут к гибели.

Посвящается близким, разделенным враждой, всем, кто ждет встречи, и тем, кто не дождался...

Пролог

Щелк! Темное помещение наполняется мутным светом. Красный ковер на полу скрадывает шаги и шорохи. Вздох. Возбужденный шепот:

-Сейчас, сейчас...

На выкрашенной в серый цвет стене – ряд механических часов. Железные стрелки четко отсчитывают секунды в Пекине, Токио, Оттаве, Сан-Франциско и Москве. Когда наступает полная тишина, можно даже услышать этот ритмичный, неустанный, неотвратимый ход времени: цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок... Или это только механика устаревшего механизма, в котором маятник ударяясь о зубчики шестеренок, создает равномерные импульсы?

- Начинается...

-Тише, тише!

Снова вздохи и звукидвигающихся тел. Нестройная группа людей нервно переминается в центре зала. Еще двое сидят у пульта управления и выжидательно смотрят на человека в форме – самую важную сейчас здесь фигуру.

И вновь тревожная тишина нарушается внешним звуком: нарастающий гул говорит о том, что где-то вдалеке, ближе поверхности, проходит ветка метро. Внезапно по периметру помещения оживают красные огни, и завывание сирены перекрывает все слышимые до этого шумы.

- Да, это случилось. – безучастно констатирует человек в форме, и сверяясь с наручными часами, смотрит на включившийся над пультом большой экран. Теперь все внимание будет приковано к нему.

- Товарищи! По всей стране объявлена боевая тревога! Зафиксирован пуск межконтинентальной баллистической ракеты с территории противника! У нас осталось четыре минуты на ответный удар!

На экране мелькают кадры: поднятые по тревоге части, повседневная жизнь мирных городов, суетливая столица противника... Внезапно звук сирены прерывается протяжным, скрипучим звонком. Казалось бы, давно устаревший телефонный аппарат – это единственная связь с надземным миром здесь, в этом странном, механическом месте. Человек в форме снимает трубку и внимательно слушает. На его бесстрастное лицо ложится тень.

- Ключ на старт! – командует он, и двое у пульта управления одновременно вставляют ключи, запуская самый чудовищный на Земле механизм.

- Остается шанс ложного срабатывания систем предупреждения! Мы ждем подтверждение...

Снова вздохи, окруженные красными вспышками и меняющимися на экране картинками. Кто-то нервно кашляет. И вновь трескучий звук телефонного звонка.

- Внимание! Зафиксирован вход баллистической ракеты в околоземное пространство! Ввод кода подтверждения! Четыре! Семь!...

У парня, одного из тех, кто сидит за пультом, дрожат пальцы – он боится ошибиться.

- Готово! Коды введены! – рапортует человек в форме на ту сторону телефонного кабеля. И тут же обращаясь к присутствующим здесь, поясняет: - Только сейчас, в эти несколько секунд мы еще можем все отменить. Потом пути назад не будет... – и снова возвращаясь к телефону, - понял! Повернуть ключи!

Наступает плотная, вязкая тишина. Слышно, как сосед пытается сдержать ставшее вдруг слишком шумным дыхание. Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...

- Смотрите на экран! – гулким шепотом командует человек в форме. Там начинается обратный отсчет. - Десять, девять, восемь! – уже громко, в полный голос он озвучивает чередующиеся цифры. - Семь! Шесть!

Эту картинку сменяют виды улиц городов противника – еще ничего не подозревающие жители живут своей повседневной жизнью. Пять! Четыре! На лицах присутствующих написан ужас. Три! Два! Женщина за пультом кусает губу, чтобы не заплакать. Один! Пуск!

На экране в бескрайних степях под бездонной лазурью летнего неба медленно и неумолимо открывается многотонный люк пусковой шахты межконтинентальной баллистической ракеты. Еще несколько секунд и все вокруг заволакивает дымом – ракета с ревом покидает пусковую установку и устремляется к самой кромке атмосферы.

- Здесь, в подземном бункере мы в безопасности! – тон человека в форме мягкий, успокаивающий. - Но там все обречено...

Экран безжалостно показывает сначала последние минуты спокойной, мирной жизни, потом - нарастающую панику, и, наконец, полнейший хаос, воцаряющийся на улицах чужого, вражеского города. В это время ракета входит в атмосферу. Еще двадцать секунд и она прямо на глазах у присутствующих взрывается над городом. Ударная волна сносит все на своем пути – красные вагончики трамваев, машины, дома, людей. Крупным планом – коридор больницы, наполненный пациентами и врачами. Доля секунды – и привычный ход жизни разрывается на куски, превращаясь в кошмар. По эту сторону экрана – оцепенение. Кто-то из присутствующих закрывает рот ладонью, сдерживая рвущиеся наружу рыдания. Кто-то отворачивается. А кто-то, наоборот, не в силах отвести глаз, всматривается в бездну, разворачивающуюся на экране.

Еще немного, и вот уже все кончено. Последние кадры разрушенного города и экран гаснет.

- Итак, – победно объявляет человек в форме – боевая задача выполнена! Товарищи, я вас поздравляю!

Раздаются жидкие аплодисменты – несколько человек, будто подчиняясь неозвученной команде, хлопают сами себе. Яркие сполохи тревожных фонарей гаснут, а где-то под потолком зажигается несколько ламп, и помещение наполняется теплым, мирным светом. Сгрудившиеся в центре зала люди все еще не могут отойти от потрясения.

- Мама, мама! Ты видела, как я повернул ключ? Почему ты плачешь? Это же не настоящему! Это как в игре!

Человек в форме поправляет бейджик экскурсовода на лацкане кителя и, улыбаясь, подходит к группе ближе.

- Так могло бы быть, если бы противник действительно применил ядерное оружие против нашей страны. Возможность выжить после атаки и нанести ответный разрушительный удар гарантирует нам ядерную безопасность. Военная доктрина времен холодной войны о взаимном гарантированном уничтожении по-прежнему актуальна! Потому что применение ядерного оружия одной стороной приведет к полному уничтожению обеих сторон. А значит наше лидерство в «ядерном клубе» обеспечивает нашу сегодняшнюю безопасность! И замечьте - в этой учебной ситуации не мы нанесли первый удар, а лишь ответили на нападение!

В группе снова царит оживление. Все, казавшееся кошмаром, было понарошку. Жизнь продолжается.

Глава 1

В какой-то момент солнце выглянуло из-за плюшевого облака и все вокруг заполнилось волшебным, золотым свечением. Густой и влажный субтропический воздух как-то сразу стал легче, прозрачнее. Казалось, каждая его молекула внезапно окуталась светящимся нимбом, отчего все огромное пространство центрального зала преобразилось. Еще минуту назад, в сумраке пасмурного дня, это полуразрушенное здание было унылыми руинами со следами варварских визитов современных искателей приключений. Однако сейчас, под напором солнечного света бесконечные анфилады процедурных, огромные залы и балюстрады, мозаичные панно и гигантские зеркала – все это будто бы снова становилось таким, каким было до войны – полным жизни и целительной силы. Казалось, стоит подойти к громадному зеркалу над лестницей, увитому диким виноградом, и заглянуть в него, как оно покажет и императора Николая II, окруженного суетливой свитой, и пышные балы, и советских курортниц в устаревших нарядах, и грузинских солдат, и всех тех, кто когда бы то ни было посещал это место. А может быть пройдут годы, и их измученную группу отразит эта испещрённая трещинами и ржавчиной призрачная гладь?

Огромные витражи в центральном зале, зияющие сколами и пустыми проемами, в солнечном свете отбрасывали неровные цветные блики. Они ложились разномасштабными пятнами на щербатый пол, облупившиеся колонны, стены и украшенный причудливой лепниной потолок. Их можно было рассматривать бесконечно – до тех пор, пока этот странный калейдоскоп не сливался в одно громадное лиловое пятно, которое, проникая в сознание, вызывало головокружение и тошноту.

Где-то на отдалении мерно капала вода, и это был единственный звук, который постоянно примешивался к их тяжелому коллективному дыханию. Иногда под напором ветра в глубине коридоров скрипели расшатанные фрамуги или трескались, истлевая, деревянные поверхности. Но все это быстро стихало, и снова в гулкой тишине они слышали ритмичное: «кап-кап-кап-кап». Будто бы какой-то странный механизм отсчитывал отведенные им минуты. Этот чарующий звук будоражил воображение, и вот уже легко себе представить как к нему примешиваются царапанье, фыркание, шорохи и мягкие, поглощаемые истертым паркетом, шаги.

С высокого балкона в центральном зале открывался вид на сад. Контражур солнечного света окутывал остролистые цикусы, колючие агавы, пальмы и южные акации мягким ореолом, выделяя их сочные силуэты на фоне пышных белоснежных облаков, лазурного неба и почти что невидимого глазу ультрамаринового моря. Это ли не искомый человечеством эдем?

В такие моменты принято любоваться и думать о жизни: о ее красоте и величии, о бесконечности в глобальном масштабе и конечности в локальном, человеческом измерении. Но когда будущее все дальше, а по пятам крадется смерть – разве можно думать о вечном?

Когда все это началось? Неделю назад? Или меньше? Они еще на полпути потеряли счет времени. Ведь день за днем, шаг за шагом, медленно, неумолимо ужас вползал в их жизнь. И даже сейчас он отравлял своим присутствием этот солнечный, полный надежды, эпизод. Но все же там, в прошлом, был шумный Сухум, веселый, полный жизни, и вместе с тем скрывающий за этой бурлящей суетой горечь недавних утрат.

Праздник курортный город... Если постараться, то и сейчас можно было ясно представить себе то утро. Вот характерное здание железнодорожного вокзала с колоннами и белеными стенами скрывается за мельтешением людей и машин. Сталинский ампиризм! Руины ушедшей цивилизации... А вокруг шумит беспокойная толпа: здесь и горластые старухи с надписью «жилье» на истрепанных картонках, и снующие туда-сюда потные туристы с чемоданами и пляжной утварью, и крикливые зазывалы за оживленными стойками с экскурсионными пред-

ложениями. Все это наполненно запахами жаренного мяса, горелого масла, сигарет, духов, и только отдаленные нотки соленого бриза едва-едва напоминают о том, что где-то здесь есть море. И да, Тимур. Был еще Тимур - полный невысокий таксист, с выступающим вперед орлиным носом и пышной бородой. «Эй, молодежь! Хотите увидеть нечто удивительное?! Только Тимур вам такое покажет!» - покрикивал он в сторону проходящих мимо него туристов всех возрастов. «Молодежь», особенно далеко уже не молодая, кокетливо хихикала и чаще всего отказывалась. Кто-то останавливался, и тогда Тимур демонстрировал все свои навыки убеждения и работы с возражениями. «Таинственная пещера! Нет у конкурентов! Что вам уже показывали? Рица? С дэгустанциями? Это ску-у-учно! Я вас провезу по самым красивым каньонам, глубоким ущельям и да, пещера! Волшебная! С чудодейственным источником! Самая красивая во всей Абхазии! Обед? Конечно же будет, и чача будет, и шашлык! Я вам покажу самое лучшее место, все как для себя!».

Что же тогда заставило каждого из них выбрать именно эту экскурсию? Таинственная природная красота? Личные проблемы? Стремление к необычному или попытка убежать от привычного? У каждого была своя история и ее продолжение. Полненькая стеснительная Алевтина, не умеющая отказывать, первой заняла место в экскурсионном минивэне у окна. Аля, Алечка – так ласково ее называли мама с бабушкой – впервые в жизни оказалась на море сама, без родителей. Ее одноклассницы уже всю строили семейную жизнь и воспитывали детей, но Алевтина - пухлая домашняя девочка, жила с мамой и ужасно стеснялась своего тела, искренне считая его источником всех личных неудач. Пышную копну рыжих кучерявых волос и обилие веснушек Аля тоже расценивала как недостаток и пыталась его всячески исправлять – красить, стричь, выводить, осветлять. Все без толку. Толстая некрасивая девушка была никому не нужна. В честь двадцатипятилетия месяц назад мама купила ей путевку на море. Алевтину тогда очень напугал и расстроил этот жест, ведь мама явно выпроваживала взрослую дочь в свободное плавание, а она к нему была совсем не готова. И еще, похоже, мать ожидала того, что Аля, как это часто бывает, найдет себе здесь, в приморском раю, ухажера, и ее личная жизнь, наконец, наладится. Но увы, Алевтина с каждым днем, проведенным в санатории тут, в Сухуме, все больше утверждалась в мысли о том, что в очередной раз не оправдает надежды матери и вернется домой неудачницей. И, возможно, вообще так и останется старой девой. Мама же не сдавалась. «Сходи куда-нибудь вечером! Только будь осторожна и сразу не знакомься, особенно с абхазами!». «Пойди в кафе на набережную, съешь мороженого». Советы мамы Алевтина слушала в пол-уха. Вечером она сидела в номере, боясь и абхазов, и темноты, и грабителей. На набережную приходили мужчины с женами и отпрысками, а мороженое девушка решила не есть.

На пляже ее часто называли «женщиной». «Женщина, рядом с вами лежак свободен?». «Женщина, не загораживайте мне свет!». «Женщина, выбирайте сувенирчики!». «Женщина-женщина-женщина-женщина...». Алевтину это ввергало в отчаяние. Женщина – это когда тебе за сорок, седые волосы и морщины, когда наступает климакс, а вместе с ним испаряется вся жизненная романтика. Женщина – это груз прожитых лет, потухший взгляд и товары по акции. Такое грубоватое обращение – «женщина» - оно воровало у Алевтины молодость и надежду на возможное семейное счастье.

«Девушка! Красавица! Поехали на экскурсию!» - Аля не сразу поняла, что Тимур обращается к ней, подсовывая под нос зернистые фотографии абхазской природы. «Я?» - смущенно переспросила она. «Ты! Я тебе скидку сделаю, хочешь? Такая красавица! Богыня! А я тебя взамен на фоне каньона Любви сфотографирую, и вот так напечатая, чтобы потом рекламировать экскурсию?». Алевтина, смущенно отнекиваясь, сама не заметила, как в итоге согласилась и оплатила тур. И только в минивэне ее начали одолевать сомнения и желание отказаться от поездки.

Но спустя минут десять Тимур поймал еще одну экскурсантку. Алевтина не без любопытства наблюдала через окно, как он воодушевленно показывал рекламные проспекты женщине средних лет, и как та, равнодушно разглядывая их, неожиданно кивнула и направилась к месту рядом с водителем. «Пэрэводом! Можно пэрэводом!» - донеслась до Али короткая реплика, и тут подошли еще пять человек. Тимур балагуристо их приветствовал, сверял телефоны с помятым списком и отправлял в салон микроавтобуса. Щеголеватый молодой человек, вероятно, ровесник Алевтины, в белых брюках и льняной рубашке, с короткой аккуратной стрижкой, занимая свое место, даже не глянул на девушку. За ним сразу зашел мужчина постарше. Он равнодушно кивнул Алевтине и сел в самый дальний угол машины. Потом, охая и крихтя, в салон залезла женщина лет пятидесяти в просторном сарафане и соломенной шляпе с широкими полями, которую она тут же кокетливо сняла, обнажив типовой дешевый пергидролевым боб с коротко выстриженным затылком и висками. Пока она выбирала куда бы сесть, в машину запрыгнул еще один мужчина: «Всем привет! Я Вадим!» - тут же представился он и, обаятельно улыбнувшись Алевтине, сел рядом с ней. На вид ему было больше сорока, наверное, ближе к пятидесяти, но молоджавость движений и аккуратность в одежде добавляли ему шарма. Последней в салон зашла пожилая женщина. После продолжительного и, очевидно, безуспешного спора с Тимуром, она, уже заходя в машину, украдкой вытерла слезы, и, усаживаясь рядом с Алевтиной и Вадимом, выглядела подавленной и расстроенной. Два места в салоне оставались пустыми. «Командир, - крикнул Тимуру Вадим, - еще кого-то ждем?». «Нэт-нэт! Сэйчас поедem!». Дверь минивэна мягко захлопнулась, и все привокзальные шумы разом стихли. А потом Тимур плюхнулся на кресло водителя, завел мотор, и перекрикивая его гул, начал «экскурсию». Машина, с трудом покинув загруженную стоянку, вывернула на узкую улочку, увозя их от суетливого течения жизни к вечной красоте горных пейзажей. Сейчас казалось, и шумный вокзал, и Тимур с его несмешными шутками, и оживленные улицы – все осталось в прошлой жизни, сменившись безмолвным чередованием заснеженных пиков и горных долин.

Солнце скрылось между облаков, и волшебство померкло. В темных углах заброшенного здания залегли мрачные тени. Скоро и вовсе наступит ночь, и тьма окутает пустые залы и коридоры. Но спасет ли их рукотворная конструкция от вездесущих духов гор и зла, присущего человеческой натуре?

Горный серпантин, петляя, уходил вверх, и за окном то и дело мелькали самшитовые заросли и остроконечные кипарисы, каменные склоны и изумрудные горные долины, сливающиеся на горизонте с лазурным, подернутым белой дымкой, морем. За закрытым окном все это напоминало фильм – цветные кадры без звуков и запахов сменяли друг друга, и, находясь здесь, в прохладной полутьме, можно было представить себе щебетание птиц, отдаленный гул городов и утреннюю жару абхазского солнца. Тимур уже успел им рассказать о стране, ее истории и гостеприимстве, и теперь, утомленный акустической борьбой с мотором, молчал, прерываясь только на пояснения или ответы на вопросы. «Видэтэ, слэва город у моря, в бухтэ – это Гагра! А там всэго тридцать киломэтров – и будэт Сочи!». И снова тишина, наполненная мерным гудением.

«Как странно, - думала Алевтина, - все молчат». Обычно девушке нравились окружающие ее разговоры - в поездах, кафе, метро и других общественных местах она прислушивалась то к одним, то к другим, не без зависти поражаясь умению людей непринужденно находить общие темы и подолгу обсуждать бестолковые пустяки. И даже на периферии чужих бесед ей казалось, что она - часть этого большого, живого, гомонящего людского организма. На пути в Сухум в самолете перед ней сидела супружеская пара, и Алевтина то и дело отвлекаясь от

скучного детектива с утомительными подробностями литературного убийства, прислушивалась к тому, как муж ругал коллегу по работе, а жена, явно не знакомая с тем лично, с видимым удовольствием поддакивала, как они обсуждали недавно просмотренный фильм, поведение соседского кота, очередные поправки в законы, прогноз погоды, жару в салоне, планы на вечер и многое-многое другое. Их разговор создавал приятный фон, под который время летело незаметно. Здесь же, в этой поездке, почему-то все было по-другому. Алевтина стеснялась смотреть назад, на молодых людей и их соседку, но она слышала, как та поначалу пыталась заводить разговор, но, наткнувшись на однозначные недружелюбные ответы, замолчала.

Девушке было тесно и неудобно. Ее укачивало, и противная тошнота усиливалась на каждом новом повороте. Сидящий рядом Вадим прижал ее к окну, отчего девушке было и жарко, и стыдно. К тому же он периодически обращался к подпирающим его соседкам с неопределенными, общими фразами, то восхищаясь видами, то делаясь ожиданиями от поездки. Так как пожилая женщина рядом с ним не выпускала из рук телефон и была полностью сосредоточена на нем, то отвечать и улыбаться приходилось Алевтине. Общение, особенно с мужчинами, давалось девушке нелегко, и этот разговор, если его можно было так назвать, превратился в настоящую пытку.

- Посмотрите, какой вид! Как на картинке! – навалившись на Алю и тыча пальцем в окно, констатировал Вадим.

- Да, красиво... - отвечала та, не зная, как продолжить беседу.

- А Вы первый раз в Абхазии? А я вот второй уже. Никак не могу перестать восхищаться здешней природой.

Алевтина в ответ судорожно кивала и разговор на этом прекращался до тех пор, пока Вадим снова не говорил что-то вроде: «как нам повезло с погодой» или «хорошо бы еще побывать в Новом Афоне». И тогда Алевтина снова внутренне сжималась и думала о том, что ее незрелая коммуникабельность никогда не позволит ей найти друзей и построить семейное счастье.

Внезапно минивэн замедлил ход и остановился.

- Ай-яй-яй-яй-яй! – закричал Тимур и выскочил из машины. Вадим привстал и перегнулся через водительское кресло, стараясь понять, что же произошло, и тут же расхохотался.

- Что там такое? – с интересом спросила женщина, сидящая сзади.

- Не поверите! Наш Тимур телочек гоняет по дороге!

- Давайте выйдем и посмотрим! А то сил уже нет сидеть!

- А почему бы и да? Разомнём косточки!

Вадим, перегнувшись через соседку, распахнул дверь, и салон тут же заполнился знойным влажным воздухом. На улице было хорошо. С очередного виража открывался умопомрачительный вид на море. В роще у дороги стрекотали цикады, и к этому звуку примешивалось возмущённое мычание коров – Тимур, комично размахивая руками, безуспешно пытался прогнать нестройное стадо со своей полосы. И вот, упарившись в конец, он остановился прямо посреди дороги.

- Ну и что теперь делать, а-а? - тяжело дыша и вытирая пот со лба, их неудачливый экскурсовод обращался то ли к коровам, то ли к экскурсантам, то ли к себе.

В этот момент откуда-то издали донесся рев автомобиля.

- Сейчас будет пробка! – хохотнул Вадим.

Через минуту из-за поворота вынырнула белая Тойота с синими полосками и отличительными знаками абхазской дорожной патрульной службы. Тимур встрепенулся и, оббежав машину, начал кричать и махать руками, привлекая внимание сотрудников ДПС.

Когда патрульная машина остановилась и из нее лениво выбрались два гаишника в форме, а Тимур взялся им что-то увлеченно рассказывать, женщина, которая в минивэне сидела позади Алевтины, снова попробовала установить контакт с попутчиками:

- А давайте знакомиться! Меня зовут Татьяна, я в прошлом году вышла на пенсию, молодая пенсионерка так сказать, и вот впервые в жизни выбралась дальше подмосковной дачи с огородом! А вы? – тут она явно обращалась к молодым людям.

- Я – Константин, - ответил тот, что был постарше, - живу в Екатеринбурге, менеджер в банке, ничего интересного.

- Женат? – бестактно уточнила Татьяна.

- Разведен.

- Ясно. А вы?

Ровесник Алевтины в белых брюках тяжело вздохнул и с неохотой процедил:

- Игорь.

- И все? – кокетливо переспросила Татьяна.

- И все.

- Понятно. – обижено протянула женщина, и демонстративно повернувшись к Игорю спиной, обратилась с тем же вопросом к Вадиму. Тот с удовольствием начал рассказывать о себе - о том, что он из Москвы, что в столице живет три года, и что тоже, как и Константин, разведен, и что в Абхазию приехал погостить у друга, но тот в последний момент уехал в Сочи, а потому здесь пришлось искать и жилье, и развлечения.

- Вы, наверное, тоже из Москвы? – заканчивая свою речь, обратился он к пожилой женщине, которая с тревогой включала и выключала экран телефона.

- А, что? Да... нет... не совсем. Из Балашихи, это в области.

- Что-то не получается? – участливо спросил Вадим.

- Да почему-то сообщение не отправляется, глючит что ли... Я совсем в этом не разбираюсь.

- Давайте я посмотрю, - предложил Константин, и, не дожидаясь ответа, взял у женщины из рук телефон. – Тут нет связи, поэтому и не отправляется ничего. Видимо покрытие слабое, горы все-таки.

- А она появится – связь - здесь? У меня внучка в больнице... Переживаю очень...

- Как вас зовут? Ирина? – Вадим взял женщину за руки. – Все будет хорошо. Вы сейчас отвлечетесь, отдохнете, внучка в надежных руках, вы вечером вернетесь и сразу поедете в больницу. А сейчас нужно просто все отпустить.

Женщина кивала, но было очевидно, что согласия в этом жесте мало.

Тут вернулся Тимур. Он был встревожен и разгорячен.

- Поехали, поехали скорей! – Он начал загонять всех в минивэн примерно так же, как десять минут назад пытался прогнать коров с дороги.

- А животные? – Вадим показал рукой на препятствие, но Тимур только отмахнулся – сейчас решим.

Пока все грузились в минивэн, патрульная машина аккуратно выехала на встречную полосу и, включив сирены, оттеснила коров на обочину. Тимур высунулся в открытое окно кабины и помахал гайцам рукой:

- Итабуп сашья!¹

Те посигналили ему в ответ, и, сдав назад, развернулись и уехали в ту сторону, откуда приехали.

- Вы обратили внимание? – приглушенно спросил Вадим сидящих сзади соседей. – Патрульные приехали целенаправленно сюда, к Тимуру. И какой-то он теперь дерганный, будто торопится куда-то. Загнал нас всех в машину и рванул как от смерти.

- Ну и что? – Игорь нехотя оторвался от рассматривания фотографий в телефоне.

- Как что? Ну интересно же, о чем они говорили!

¹ Спасибо, брат! Абх.

Но никто Вадима в его интересе не поддержал. Ведь никто даже представить себе не мог, чем это закончится, и что визит патрульных, и возбужденное после него состояние Тимура, и скорость, с которой за окном замелькали экзотические деревья – все это говорило о том, что их маленькая экскурсионная группа внезапно оказалась в большой опасности.

Минут через десять машина свернула с шоссе на узкую гравийную дорогу. Вынужденное снижение скорости разозлило Тимура – это было видно и по его грозным возгласам, и нервно сжатому рулю, и по растекающемуся по спине потному пятну на рубашке. Он то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, будто проверял, нет ли за ними погони.

- Тимур! – окликнул водителя-экскурсовода Вадим, - ты нас куда везешь? Уже не в Грузию ли?

Тот в ответ дал по тормозам, и машина резко остановилась. Тимур развернулся всем корпусом к Вадиму, и, разом потеряв свое радушие, прошипел:

- Не смэй, слэшишь, не смэй такое больше никогда говорить!

- Да я просто спросил, несемся, будто за нами кто-то гонится... - примирительно поднял руки Вадим.

- Просто спросил он, просто спросил... - повторяя одно и то же, Тимур, завел мотор, и машина, дернувшись, рванулась вперед. Он вроде бы уже успокоился, но всем было понятно, что и добродушие, и напускное гостеприимство, и это спокойствие после резкой вспышки – только лишь видимость. А потому все притихли и ждали, чем же закончится этот отрезок пути.

Прошло совсем немного времени, и за очередным поворотом горы неожиданно надвинулись друг на друга, а дорога в глубоком ущелье вдруг уперлась в отвесную стену.

- Все, приехали! – довольно объявил Тимур и заглушил мотор, выбираясь из кабины.

Полуденное солнце было в самом зените. После прохладного салона жара на улице казалась нестерпимой, и вся их группка устремилась в темное пятно тени, отбрасываемой одним из склонов.

- Тимур, постойте, – пожилая женщина ухватила экскурсовода за локоть. – Я видела у вас телефон. Вы по дороге разговаривали... Вы не подумайте, просто у меня нет связи, а у вас есть... У меня внучка в больнице, можно я позвоню? Всего один звонок...

- Это спутник, вы номер знаете? Кому звонить?

Стоя в тени, остальные равнодушно наблюдали за тем, как Тимур и его собеседница что-то обсуждали под палящим солнцем.

- Тревожница... - промычал Вадим, вцепившись зубами в край обертки леденцовой конфеты и пытаясь ее открыть. Вторую, точно такую же барбариску, он только что отдал Алевтине.

- Это нормально, переживать за близких. - тут же ответила Татьяна.

- Переживать нормально, а пытаться все контролировать - нет. – парировал Вадим.

Татьяна хотела что-то ответить в поддержку своей позиции, но тут Тимур замахал им руками, а потом развернулся и двинулся вперед по дороге, прямо к отвесной стене, и все последовали за ним. Пожилая женщина выглядела уже не такой расстроенной, и даже несколько раз улыбнулась. Видимо там, в Сухуме, в больнице дела обстояли не так плохо, как она себе представляла.

- Сэйчас мы пройдем чэрэз тунэль. Его прорыли еще в годы Второй мировой, когда дэлали коридор в горы. А за тунэлем будет красота. Там ущелье с озером, а за ним та самая пэщера, которую я вам обэщал. Но нужно будэт около часа идти пэшком. Всэ готовы? А если нэт, то можно отдохнуть в машине.

- О таком нужно предупреждать! – сварливо заметила Татьяна, разглядывая свои легкие босоножки, совершенно не предназначенные для похода по горам. – И воду мы не взяли!

- А, воды там будэт достаточно! Там же цэлэбный источник! Так что, идем?

И они пошли. Между скалами действительно обнаружился ход. Тимур еще раз спросил, все ли готовы и первым зашел внутрь. За ним тут же последовали остальные члены группы.

Только Алевтина, которая побаивалась темноты, замешкалась у входа. Она бы, наверное, так и не решилась войти, если бы не Вадим, который ухватив ее за руку, буквально затащил внутрь. Темнота резко сменила солнечный свет, но Тимур тут же зажег большой фонарь, и белое пятно выхватило и низкий потолок, и корявые стены, и стертые надписи на них.

- Что это? - громко спросила Татьяна, показывая на продолговатую выбоину в стене.

- Шшш! – оборвал ее Тимур и грозным шепотом продолжил, - тут нельзя громко. Можно потревожить, – и, отвечая не еще не заданный вопрос, пояснил, - Духов тревожить нельзя. Пока этот тоннель строили, много людей погибло. Вот то, на что вы, мадам, показали, это след кирки. Старыки рассказывали, что это последний удар первого рабочего, вот так – он ударил и умэр. Гора его не простила, забрала себе. И потом все, кто сюда заходил, писали горе просьбы и мольбы, каждый на своем языке. Всего сто метров этот туннель, а две тысячи человек тут легло. Может видели, мы проехали поворот, за ним кладбище, там они все и похоронены. А духи их здесь.

- Вот так математика! По двадцать человек на метр! — жарко прошептал Вадим Алевтине на ухо. Та что-то выдавила из себя в ответ, что-то как всегда банальное и глупое, но, похоже, это было не важно. Мужчина приобнял ее за талию, и, пользуясь тем, что они шли позади всех, привлек к себе и поцеловал. Алевтина оцепенела. Она не знала, нужно ли ей сопротивляться и выворачиваться из крепких объятий, как приличной девушке, или наоборот, страстно ответить на поцелуй? Да она-то и целоваться толком не умела... Мужское внимание Вадима ей льстило, но все же он был почти вдвое старше ее, и, если откровенно, не о таком спутнике она мечтала. И как потом сказать маме об этом поцелуе с таким взрослым мужчиной?

Вадим же принял ее замешательство за стеснительное согласие, и отпустил только тогда, когда голоса и шаги их группы почти стихли в темном проеме коридора.

- Ну все, пошли-пошли, а то наша экскурсия закончится здесь, так и не начавшись... - Мужчина, крепко обнимая девушку за талию, увлек вперед. Впереди маячило маленькое желтое пятно, создаваемое фонарем Тимура, и они двигались за ним, словно мотыльки, влекомые светом и теплом.

- Как же все-таки темно – приглушенно сказал Вадим, и еще крепче впился пальцами девушке в бок. Было что-то в этом властном жесте отталкивающее, пошлое. Алевтина чувствовала чужой горький привкус во рту, к которому примешивались едва заметные нотки недавно съеденной барбариски, и это словно усиливало ее слабость, неспособность сопротивляться внешнему давлению. Стены, потолок, тьма, чужие руки – все это надвинулось на нее, сжимая в одну маленькую тесную точку, и, казалось, конца и края не будет этой мучительной пытке. «Сто метров, всего сто метров тьмы, и потом будет свет, будет озеро, обещанное Тимуром...» - успокаивала себя девушка, но туннель все не кончался, а свет от фонаря удалялся от них слишком быстро. Вадим, стараясь не потерять его из виду, то и дело переходил с быстрого шага на бег, и Алевтине, с трудом поспевающей за ним, с каждым шагом становилось тяжело дышать. Она чувствовала, как по ее спине струится пот, и ей было стыдно перед мужчиной и за мокрую рубашку, и за запах своего тела, и за недостаточную выносливость. Неужели эта жуткая гонка когда-нибудь кончится? Наконец, Аля, окончательно запыхавшись и выбившись из сил, остановилась, и светлый маячок впереди тут же погас.

- Вот черт! – еле слышно выругался Вадим. – Ничего, у меня где-то была зажигалка, какой-никакой, а источник света.

- Может стоит попробовать идти наощупь, все равно же вперед... - тяжело дыша, прошептала Алевтина. Ей никак не удавалось совладать с дыханием, а темнота вокруг с каждой минутой все больше ее пугала.

- Не нужно... Подожди, сейчас я найду, где-то есть... - было слышно, как Вадим, отдуваясь, роется в карманах, - сейчас-сейчас... А-а, тебе страшно? Не бойся, трусишка, это всего лишь темнота. – и тут он внезапно больно сжал ее ягодицу рукой, впиваясь в мягкую плоть

ногтями. Алевтина громко ойкнула, скорее от неожиданности, чем от боли, и отшатнулась в сторону. Однако мужчина схватил ее за грудь сначала одной рукой, потом второй и начал мять, словно тесто, двигая тучную плоть то вверх, то вниз. Алевтина, попытавшись оттолкнуть его от себя, резко и сильно махнула руками, но впереди никого не оказалось, и она, не удержавшись, повалилась на колени.

- Тихо! Тихо! – голос Вадима донесся откуда-то справа. «Он слишком далеко...» - успела подумать девушка, как все пространство заполнилось тревожным, пугающим звуком. Кто-то быстро и уверенно шел вслед за ними.

- Кто это? – громко спросил Вадим, но ответа не последовало. Шаги быстро приближались, и Алевтина чувствовала, как внутри нее нарастала паника. Она не могла понять почему, ведь скорее всего это просто случайный человек, может быть охотник, а может один из тех гаишников, которые помогли им объехать коров... Но почему же так страшно?

- Кто там?!

И тут Алевтина почувствовала, что ее руку, упиравшуюся в пол, обвивает что-то липкое и холодное, и даже не обвивает, а скорее гладит по пальцам, так пошло и мерзко, что девушка оцепенела, не в силах пошевелиться. Тем временем, звук шагов приблизился вплотную и остановился.

Алевтина чувствовала, как липкий, жуткий страх сжимает желудок. Что-то было совсем рядом, и оно смотрело на нее пристально из вязкой темноты, изучая и смакуя каждую деталь ее кошмара.

В какой-то момент щелкнула зажигалка – Вадиму наконец удалось достать ее из внутреннего кармана, и мутный круг света озарил и его, и покоробленные стены вокруг. Мужчина сделал шаг вперед, потом еще один, но никого не было.

- Чертовщина какая-то... Алевтина?! Алевтина! Ну что ты, вставай, пошли, пошли. – Он подхватил ее подмышки и потянул вверх. – Еще чуть-чуть... всего сто метров, ты же бегала стометровку в школе?

Полная позора стометровка в школе была столь же нескончаема, как и это жуткое путешествие по безжизненному туннелю. Дрожащий сине-красный огонек зажигалки порождал мутный ореол, выхватывающий из темноты то причудливые тени, отбрасываемые выступами стен, то черные ниши, то потертые, смазанные послания давно умерших людей. Сзади слышались шаги. Они вторили их торопливому движению. И хотя Вадим объяснял их акустическими причудами коридора и играми разума, ощущение потустороннего присутствия не отпускало.

Но вот впереди внезапно замаячил просвет. Дневной свет сочился из него, будто разделяя туннель на две части. В одной из них царила жизнь, а в другой господствовала смерть.

- Эй! – донесся из просвета голос Тимура. – Ну гдэ вы там? Мы сэчас уходым! Нэт врэмэни ждаты, пока вы налюбите друг друга!

Раздался смех. Эта насмешливая фраза «налюбите» в другой ситуации показалась бы обидной, но сейчас она звучала как звук будильника, как сигнал к пробуждению.

- Ух, мы еле за вами поспели! – шутливо и одновременно укоризненно заметил Вадим, отпуская Алевтину. Он наклонился и уперся ладонями в колени, переводя дух. Алевтина же тяжело осела на камень, вытирая салфеткой лицо. Она так устала, что ее совсем не поразил открывавшийся с этой точки вид на высокие горы вокруг и лазурное озеро, окаймленное густой растительностью.

- Я успел даже подумать, что мы не туда свернули! Вроде сто метров, что там идти, а мы будто несколько часов шли! - Вадим, достав из сумки на поясе маленькую бутылку с водой, взялся жадно пить.

- Да вы вроде не сильно отстали, - заметила Татьяна, с осуждением поглядывая на Алю. – Мы сами только-только вышли из тоннеля.

Тут Тимур, вроде бы не прислушивающийся к их разговорам, подскочил к Вадиму.

- Долго шли гаваришь? А что там до этого делали, почему отстали?
- Ты совсем, что ли? – беззлобно возмутился Вадим.
- Да что ты, что ты. Тут бэз вапросов, ты мужчина, она жэнщина, я не лезу. Но там, в тонэле, это нельзя, панимаэш?
- Не панимаю! – передразнивая Тимура, начал закипать Вадим.
- Тут горы, тут свои законы. Каждая гора, каждая трещина в ней живая. А это мэсто, как рассказывают старики, священное. Тут начало другого мира, ворота. А этот тоннель, его строительство было покушением на горы, вторжением в мир мертвых. И всё, кто его строил, всё умерли страшной смэртью. И это сдэдало это место еще более страшным, и более священным.
- Тимур, оставь свои страшилки для юных барышень!
- Ты что там с нэй дэдал? – грозным шепотом спросил Тимур.
- Да ничего не делал! – Вадим, видя, что все уже прислушиваются к их разговору, решил свести его на нет. И шепотом, так, чтобы слышал только Тимур, добавил – ну обнял там, поцеловал... слегка...
- Тимур свел густые брови на переносице, и повернулся к Алевтине:
- Страшно было?
- Да, очень... шаги, будто кто-то гнался за нами. И... и еще...
- Что еще?
- Меня будто кто-то трогал... ну понимаете... - Алевтина почувствовала, как предательски дрожит голос и подступают слезы.
- Это не я! – поднял вверх руки Вадим, отчего стоящий поодаль Константин не смог сдержать смешок.
- Нэ ты. – кивнул Тимур, и снова перешел на шепот. – Нэ ты это, а они. Они голодные, жадные до жэнского тэла. Они в лагере четыре года бэз женщин были, а теперь целую взчность здэсь... Надо было ее там оставить! Им оставить! Эх...
- Вадим вскочил.
- Ты сдурел? Я сейчас тебя там оставлю!
- Успокойся, брат... - примирительно похлопал его по плечу Тимур, но Вадим дернулся и гневно оттолкнул экскурсовода от себя. – Ну что ты, что ты такой злой? Дорога она тэбэ? А жизнь твоя? Жизнь твоя дороже жэнщины? А? Быть тэперь беде большой. Когда духи голодные, они страшные дела творят... Быть беде, ох беде быть...
- Вадим хотел что-то возразить, но тут Тимору кто-то позвонил. Тот встрепенулся и отошел в сторону. Разговор был коротким, похоже, неприятным, тяжелым.
- Все, все, экскурсия отменяется. Пашли назад! – Тимур, разом почерневший и сосредоточенный, направился к тоннелю, даже не дожидаясь своих экскурсантов.
- Как назад! Мы же вам деньги заплатили! – Татьяна, присевшая несколько минут назад на выступ скалы и снявшая было узкие босоножки, возмущенно привстала.
- Все вэрну, пашли!
- Нет! – вскрикнула Алевтина. Ее бросило в дрожь от мысли снова оказаться в той пещере, когда они только-только из нее вышли. – Не пойду! Не пойду!
- Ну тихо, тихо, - приобнял ее Вадим. – Я сейчас договорюсь. – и, уже обращаясь к Тимору, - слушай, брат, ну так не делается. Дай нам хоть отдышаться. Мы толком-то ничего не видели вокруг... И потом, ты же сам только что сказал, что духи в туннеле голодные, может мы обратно и не пройдем теперь? - Вадим, конечно, подтрунивал над Тимуром, но тот неожиданно серьезно отнесся к его словам. Всматриваясь в чернеющую глубь туннеля, он призадумался, явно что-то прикидывая и продумывая.
- Ну так что? Будет экскурсия? – лениво перекидывая во рту незажжённую сигарету, равнодушно спросил Игорь.
- Сэйчас, дай мнэ минуту. – Тимур повернулся к ним спиной и кому-то позвонил.

- Неужели он и правда, верит в свои собственные байки? – гулким шепотом обратился к Вадиму Константин.

- Вряд ли. Денег ему стало жалко. Может там жена-любовница позвонила, и он сейчас с ней договаривается. Или заказ на индивидуальную экскурсию поступил, и не получилось на двух стульях усидеть. Вот посмотришь, жадность возьмет свое, сейчас он скажет, что все уладил и пойдем дальше.

И действительно, так и вышло.

- Ухы уахылапшла!² – Тимур с отчаянием махнул рукой и сунул телефон в карман брюк.

- Все в порядке?

- Да, продолжаем. Давайте я вас всех тут у озера сфотографирую, и потом покажу источник! А через час мы вэрнемся и поедем обэдать!

«Целый час!» - ужаснулась Аля. Она уже так устала, что с радостью вернулась бы в свой номер на берегу моря. И только мысль о черном проеме проклятого туннеля с его мрачными причудами удерживала ее от желания дожидаться группу в одиночестве здесь, на берегу озера. «Ворота в мир мертвых...» - не давали покоя слова Тимура. Тогда ведь пути назад нет? Ведь никто еще не возвращался в мир живых с той стороны, где царит смерть... Или это только придумки опытного экскурсовода для запоминающейся экскурсии? Всего лишь через час им предстояло это проверить.

² Береги себя! Абх.

Глава 2

Солнце снова выглянуло из-за облаков.

- Ну все, давайте соберем доски и ветки для костра! – встрепенулся Вадим, будто стряхивая с себя сонное оцепенение, овладевшее ими всеми здесь, в этом заброшенном санатории. Мысль о надвигающейся ночи пугала, и чтобы заглушить тревогу, каждый из них взялся тщательно выискивать все, что сгодилося бы для источника тепла и света.

Алевтина, едва передвигая ноги, побрела в боковую анфиладу. Там, хоть и в полумраке, можно побыть с собою наедине. Издалека она слышала, как Татьяна сокрушается о разрухе и былом величии советской эпохи. Длинный коридор вывел ее к гостевому блоку. Когда-то белые двери санаторных номеров сейчас облупились и рассохлись. Кое-где их и вовсе не было. В одной из комнат Алевтина обнаружила вполне приличную кровать, даже с матрасом и почерневшей от времени подушкой. Она с удовольствием легла на нее, вдыхая плесневелый запах, исходящий от влажной ткани. Как хорошо! На потолке, тоже тронутым грибком и плесенью, кое-где сохранились лепные узоры, изображающие сочные гроздья винограда, кувшины и резные листья. Из разбитого окна с видом на море сочился солнечный свет. Он ложился светлыми пятнами на стены и покоробленный пол. Отдаленный шум волн и шелест листвы убаюкивал, и Алевтина сама не заметила, как заснула.

- Аля! Аля! – доносилось из глубины тенистого сада. – Алевтина! Аля!

Девушка в нерешительности всматривалась в темный коридор, образуемый соснами и кипарисами.

- Аля, ну ты где?!

«Мама зовет, волнуется. Нужно идти...».

- Аля! – настойчивый мамин голос слышался все ближе и ближе. Наконец, Алевтина, решившись, сделала шаг вперед, в тень сосновой рощи. Вокруг щебетали птицы, и мама звала так привычно, так обыденно. Девушка, скорее с удивлением, нежели с опаской, пошла по аллее, и сама не заметила, как та постепенно превратилась в черный тоннель с корявыми стенами и кровавыми надписями на них. – Аля, Аля, Аля... - слышалось из темной глубины. Постепенно мамин голос превратился в шипение и бормотание: «девочка, сладкая... иди, иди сюда... спаси их всех... голодны... голодны... тихо, тихо, тихо... тебе понравится... девочка, девочка... шшш, тишшше... сюда... хорошая, сладкая... ах... сладкая...». Туннель наполнился руками, все они высывались из стен, из потолка, из пола и тянулись к ней в жадном порыве... «сладкая, сладкая... шшш... сюда... сюда... Аля! Алевтина! Алевтина! Ты где?! Аля-а-а!». Тут девушка рывком проснулась. Жаркий день уже успел смениться сумерками, и черные тени залегли по углам и под кроватями. Нужно бежать! Где же все?!

- Аля! Алевтина! – донеслось из коридора. – Аля! Ты где?

Алевтина хотела вскочить, но на полу растекалось темное пятно. От ужаса девушка оцепенела. Ей казалось, что эта мутная тень живет своей жизнью, и стоит опустить ноги, как она, будто доисторический монстр, утянет ее в преисподнюю.

- Я здесь! Здесь! Помогите! – истошно завопила Аля, и в тот же миг дверь в комнату распахнулась и в дверном проеме показался Константин. В руках у него было что-то наподобие факела – вроде как ножка кресла или стула, обернутая каким-то тряпьем. Она полыхала тревожным пламенем, создавая вокруг себя ореол света.

- Слава Богу, ты здесь! Мы уже весь санаторий обыскали... Ну, пошли к костру, давай!

Константин зашел в номер, и пятно на полу исчезло. Алевтина вскочила с кровати, и они быстро, не оглядываясь, пошли к центральному залу. Девушка старалась не смотреть по сторонам, ведь там, в темных нишах и проемах, таилось что-то жуткое, опасное, кровожадное.

- Оно преследует нас с самого тоннеля...

- Не говори глупостей, - оборвал ее Константин. – Это только тени в пустом здании, и все это, ты понимаешь, о чем я? Вот это вот все – это лишь фантазии и силы природы. Пошли, нужно держаться вместе. Бандитов и убийц в заброшке никто не отменял.

В центральном зале уже вовсю горел костер. Татьяна успела приготовить ужин, и запахи горелой каши разносились по всему санаторию. Рядом с котелком стояла раскрытая банка с килькой. Правда, вместо рыбы внутри было какое-то красно-черное месиво, но в последние дни их похода перебирать не приходилось. Есть такую консерву было можно, и ладно... Перловая каша с дешевой рыбной консервной – что может быть хуже? Разве что сон на истлевшей кровати...

Когда Алевтина с Константином подошли ближе, то Вадим вешал над костром второй котелок – для чая. Обернувшись на шаги, он окинул Алевтину презрительным взглядом и злобно прошипел: «Дура!».

- Ну, где ты ходишь?! – возмущенно воскликнула Татьяна. – Стемнело на глазах, мы уже всякое передумали...

- А как жрать, так нарисовалась! Свинья! – Вадим не сдерживал себя в эмоциях. Алевтина смотрела на него и в ее голове все еще звучали голоса из сна: «сладкая, сладкая, сладкая... девочка... тише... сладкая...». Отчего же он так груб с ней?

- Давайте ужинать! – холодно сказал Константин и сел на кафельный пол. Татьяна вытряхнула кильку в кашу, и, перемешав, стала накладывать всем небольшие порции.

Ели молча. Деревянные бруски от некогда роскошной мебели потрескивали в огне. Этот звук дополнялся все тем же мерным капаньем воды и редкими скрипами. Ночная темнота очень быстро сменила сумерки и заняла все пространство вокруг.

- И все-таки, если представить себе это место еще лет тридцать назад... - мечтательно протянула Татьяна, не выдержав гнетущей тишины. – Как здесь, наверное, было хорошо... Большой зал, ужины, процедуры... Вы знаете, я же с мужем так и познакомилась, в санатории. Правда, в Ялте, в Крыму. Вот так потом и прожили двадцать лет. Ах, какое было время... Молодость... Олеандры в парке... Мы с ним ездили на экскурсию в ботанический сад, а потом еще и в Ласточкино гнездо, там тогда был ресторан и мороженое. Вот бы на минуточку вернуться в то время...

- Нужно жить настоящим, потому что прошлого уже нет, а будущего может и не быть. Древняя китайская мудрость. – меланхолично заметил Вадим.

– Как же нет прошлого? А как же воспоминания, как же память? Как же история?! Без истории, без прошлого нет будущего! Вот посмотрите, что в мире творится? А это все, потому что историю забыли! Взялись ее менять, переписывать! И переврали! И что теперь? У одних война! У других разруха! Вот здесь, в Абхазии, с благодатной природой, разруха! А этот санаторий и есть история! Ее забыли, бросили, и вот уже и будущего нет! – дрожащий от праведного гнева приглушенный голос Татьяны гулко отражался от стен, создавая причудливое эхо. – Абхазы эти, лентяи и предатели! Все они такие! Забыли советское прошлое, бросили все! Зачем же восстанавливать, когда можно кланяться у нас, привыкли же, что мы им помогаем. Вот этот санаторий бы восстановить, можно было бы туристов принимать, сразу бы и экономика у них поднялась! А они что? Лентяи! Ничего не делают! И этот... Тимур! Все из-за него! Сволочь... - тут Татьяна горько заплакала. Ее слезы, перемешанные с грязью на лице, капали на дно алюминиевой миски с остатками пригоревшей каши, и она с остервенением, размазывала их ложкой. Вадим с досадой вздохнул, и подсел к женщине.

- Ну тише, тише. Все будет хорошо. Все наладится. – Та только махнула рукой. Тогда Вадим обнял ее, утешая, и она, по-детски уткнулась ему в плечо, сотрясаясь в приглушенных рыданиях.

- Цыц! – внезапно прошипел Константин. Алевтина почувствовала, как ужас ледяной рукой сжимает желудок: из глубины коридоров доносился отчетливый звук шагов. Звук нечеловеческий, страшный. Он привычно приблизился вплотную к границе света и тени и остановился. Если хорошо приглядеться, то можно было даже разглядеть в темноте очертания этого существа, наблюдающего за ними из темноты. Вода для чая в котелке у костра давно остыла, и никто из них, томимых жаждой, не решался встать во своего места, чтобы зачерпнуть хотя бы кружечку. Они жались, будто мотыльки, к свету, отчетливо осознавая временность своего бытия. Предстояла очередная жуткая ночь в горах.

Кроме Татьяны о Тимуре с тех самых пор никто не вспоминал. Его не жалели и не обсуждали. Никто теперь и думал, что с ним стало. Тимур остался в прошлом, там, у входа в «волшебную», как он сам ее назвал, пещеру.

Знал ли он сам о том, что эта экскурсия перерастет в такое жуткое путешествие? Вряд ли. Сюда, к горному озеру и таинственной пещере он возил группы регулярно, едва ли не каждый день. В горном тоннеле он всем своим туристам рассказывал и о судьбе его строителей, и о потусторонних явлениях, которые якобы здесь случались. Туристы охали, ахали сначала от страха, потом от восхищения, потом от удовольствия за гостеприимным обедом. Кроме экскурсионного бизнеса у Тимура был небольшой отель в Сухуме на десять номеров и продуктовая лавка, в которой заправляла жена. Когда группы не набирались и очень часто после экскурсий Тимур пересаживался на старенькую приору и таксовал. Особо сытным было пред рассветное время, когда увеселительные заведения покидали пьяные, а оттого добрые и слишком щедрые туристы. Многие коллеги-водители брезговали такими заказами, но не Тимур. Ему удалось договориться с владельцем автомойки, который в обмен на рекламу и продукты делал существенные скидки на чистку салона. В самый разгар сезона Тимур иногда не спал по несколько суток, стараясь как можно больше заработать, чтобы хватило не только его большой семье на всю зиму, но и осталось немножко на расширение и развитие. Накануне этой экскурсии ему удалось поспать пару часов. А все потому, что большая семья, которая должна была составить половину группы, попросила выехать попозже. Пятилетняя внучка заказчицы вставала поздно, а невыспавшийся ребенок на длительной экскурсии – это всегда катастрофа. «Дэсят, позже будет слишком жарко!» - поставил условие Тимур, и тем самым выкроил себе три часа сна. Но и этого оказалось много. Как только утро окончательно вступило в свои права, заливая светом просторные комнаты, Тимур проснулся. Он задернул шторы, чтобы жена могла еще немного поспать, а потом едва слышно прошел на кухню и взялся готовить своим нехитрый завтрак. Перемешивая деревянной лопаткой кукурузную крупу в казанке, Тимур почему-то думал о матери, о ее непростой судьбе. Запах мамалыги часто вызывал воспоминания о прошлом. Холодная пустая каша на тумбочке у кровати, ведь на чужой кухне есть было нельзя, одинокий горький ужин, темнота за окном и ожидание маминого возвращения. Мама... совсем не старая женщина, почерневшая от горя и тяжелого труда... Ее семейное счастье было столь недолгим.

Тимур не понаслышке знал, что значить ненавидеть целый народ. Ненавидеть чужих, незнакомых людей просто потому, что их земляки, а может быть и родственники, когда-то были твоими врагами. Отец Тимура погиб в боях за Сухум в девяносто втором. Молодой и веселый, он так и остался на фотографиях в их старой квартире в Очамчире, сторевавшей дотла в девяносто третьем. Вместе с отцом и жильем они потеряли так и не родившуюся сестру. Тимуру тогда было одиннадцать. Очень долго они с мамой ютились у троюродной тетки, которая выделила им угол взамен на оплату коммуналки. В маленькой комнатухе помещалось все, что осталось от веселой, дружной семьи. Мать работала продавцом, уборщицей, официанткой до позднего вечера, а иногда и до утра. Она всегда была против того, чтобы сын ей помогал. «Учись, сынок, - говорила она, - главное учись. Лучше работать головой, чем спиной». Сейчас Тимур делал все,

чтобы восполнить матери прошлые утраты и незамеченную за ними молодость. Он построил просторный дом с садом, создал большую семью, окружив мать заботой и любовью. И только запах варящейся кукурузной крупы нет-нет, да и вызывал в памяти почти забытое лицо отца на фотографии с траурной рамкой и страхи пережитой войны.

Благодаря поздней экскурсии Тимур впервые за долгое время позавтракал с семьей. «Как же хорошо!» - думалось ему этим утром. Все складывалось просто замечательно. Даже если возникали какие-то сложности, то они быстро решались. Вплоть до того самого поворота, где его нагнали знакомые гайцы.

- Брат, тут такое дело, – прервал сбивчивые объяснения про несгоняемое с дороги стадо Даур, бывший одноклассник и хороший приятель Тимура. – Наши позвонили, которые в центре на Леона стоят, сказали, что братья Квициния тебя ищут.

- Меня?! – побледнел Тимур. – Но зачем?

- Наши сказали, якобы Гага гневается. Астик, помнишь его, деньги ему не отдал.

- А я причем? Я с Астиком уже два года как распрощался!

- А вот он Гаге сказал, что с тобой вместе брал, на развитие бизнеса. Что с Астика взять, трусы дырявые да носок без пары. Гага об этом прекрасно знает. Астик наверняка уже рыб в море кормит, с такими не церемонятся. Тебе, Тимур, надо семью вывозить. Потому что, пока ты с Гагой объяснишься, сам понимаешь... Мы, как твою машину заметили, сразу следом поехали, чтобы предупредить. Звонить не стали, крысы у нас везде. С Гагой никто ссориться не хочет.

Тимур хоть и сохранял внешнее спокойствие, внутри весь окаменел от ужаса. У Гаги он занимал деньги лет семь назад, под отель, и с тех пор отдал все с двойными процентами. И регулярно отчислял грозному криминальному авторитету за право работать на его территории. Правила и законы, сложившиеся в местном бизнесе, Тимур, хоть и не одобрял, но уважал и соблюдал. Но вот беда, отель он строил вместе с Астиком, с ним же и брал у людей Гаги деньги. И теперь уже не получится доказать свою непричастность к долгу бывшего партнера.

- Бежать тебе нужно, Тимур, не мешкая, – Даур, пока его напарник усаживался за руль, приблизился к другу и низко наклонил голову, делая вид, что отчищает китель. - Помнишь, мы пацанами лазили через туннель в пещеру? Там выход есть, на ту сторону хребта. Если сразу влево за ним взять, то выйдешь на криптоферму, там зять мой работает. Он тебя перевезет через границу, а там уже сам спасайся. А за туристами я сам сюда вечером приеду, не пропадут.

- Даур, поехали? – прикрикнул из окна машины напарник.

- Да, сейчас! Зараза, испачкался как! Ладно, брат, едем! Только коров не распугай, это Аслана стадо! Не дай бог у него надой упадет, он нас доить станет! – делано смеясь, Даур плюхнулся на переднее сиденье, и через пару минут патрульная машина, мигая сиренами, аккуратно оттеснила животных к обочине.

- Спасибо, брат!

Даур говорил дело. Нужно повезти туристов в пещеру с тоннелем. Какая им разница – одна пещера, или другая, все равно в горах непосвященным они все кажутся одинаковыми! Потом можно будет оставить их там, а самому уйти через узкий лаз на ту сторону. Но первым делом нужно спасти семью. Тимур стал звонить жене. Та была в магазинчике, потому что, взяв трубку, все еще раздавала распоряжения продавщицам.

- Сейчас, Тимурчик... Это вот сюда поставь, это сегодня продать нужно! Овощи в холодильник, иначе на жаре они потеряют вид... Да, мой хороший, говори!

- Слушай внимательно. Нужно, чтобы твои девочки ничего не заподозрили. Сейчас говоришь, что зарплату им за день дома забыла. Все бросаешь, и идешь домой. Дома сразу же хватаешь детей, маму и уезжайте в Верхнюю Мачару, там затеряетесь в толпе туристов, потом бросите машину и пешком дойдете до Агиши. Не перебивай! В Агиши живет друг отца, Алхас Хашба, он поможет. Мать его знает хорошо. Как до Мачары доберешься, позвонишь. Потом

телефон оставишь в машине. Встретимся послезавтра в обед в Москве, в Шереметьево, международный терминал. Все, до связи.

Жена все поняла. Она не стала выяснять подробностей, не стала истерить. Она все делает правильно. Главное - успеть.

На протяжении всей поездки Тимур изо всех сил старался сохранять спокойствие. А вдруг и среди туристов есть кто-то от Гаги? Не проверишь, же...

Но продумывать планы спасения и одновременно вести экскурсию получалось так себе. Он не заметил, как парочка туристов, отстав от группы, осталась в тоннеле, и обнаружил это только на выходе. В планы Тимура не входило дожидаться, пока они удовлетворят свою похоть. Поэтому он решил импровизировать и, видя, что остальные туристы увлеченно фотографируют природу, незаметно вернулся в тоннель. Не включая фонарь, он двинулся на звук. Тут он знал каждый камень и каждую выбоину на стене. Но впереди происходило что-то странное, что-то не похожее на любовные утехы. «А вдруг это братья Квициния? Вдруг они пытаются моих гостей?». Тимур попятился назад. Пусть так. Сами виноваты. Не нужно было здесь задерживаться. Потом ему вспомнилось, как мальчишкой он лазил здесь с друзьями, и как однажды они видели нечто страшное. В тоннеле, в самом его начале, лежал молодой мужчина, раздавленный камнем. Он еще дергался, но было видно, что это агония. Из-под камня, лежащего у него на животе и на груди, растекались бурые в свете фонаря потеки, в которых уже копошились мухи. Но хуже этого зрелища были душераздирающие вопли женщины, наполнявшие тоннель бесконечным ужасом и отчаянием. Бесстрашные и глупые мальчишки тогда бросились на поиски, но короткий, хорошо знакомый коридор был пуст. Не нашел женщины и приехавший гораздо позже молодой милиционер. Женщину, вернее совсем юную девушку, потом все же обнаружили. Истерзанная, истекающая кровью она вышла из тоннеля спустя три дня. Рассказывали, что она повесилась в психиатрической клинике. И хотя милиция еще долго потом искала убийцу и насильника по всей республике, никто так и не узнал, что же произошло. Тогда еще живой отец и рассказал Тимуру про голодных духов, и про похоть, которая делает их кровожадными и опасными.

Тимур развернулся и пошел обратно к свету, думая о том, что же страшнее – мифические духи гор или реальные братья Квициния. Так или иначе, он не собирался вмешиваться и кого-то спасать.

На его счастье, парочка выскочила из тоннеля следом за ним. Перепуганные и запыхавшиеся своим рассказом они тут же опровергли версию Тимура про его преследователей. А мистика... Тимур особо в нее не верил, но допускал, что в горах есть что-то, неподвластное пониманию человека.

Потом позвонила жена. Она плакала и кричала в трубку. «Мама! Мама осталась! Она не поехала с нами!». Тимур почувствовал, как что-то заныло в груди. «Вы где?» - сухо спросил он. «В Верхней Мачаре! Но мама! Она осталась...». Тимур понял, что нужно возвращаться. Старшие женщины в Абхазии издавна обладали особым авторитетом, от них всегда зависели решения, принимаемые в семье. Но к нему, ее единственному сыну, она должна была прислушаться?

О туристах Тимур думал в самую последнюю очередь. Подумаешь, до пещеры не дошли! А потом пришло осознание, что на обратном пути он несомненно наткнется на своих преследователей. Но мама, мама же осталась... Тимур решил ей позвонить. Больше всего он боялся, что люди Гаги уже добрались до его дома. Прошла вечность, когда томительные длинные гудки сменились маминым голосом. Тимур коротко все ей рассказал.

- Дом свой я не оставляю. Не уговаривай. Гагу я знаю, он ко мне за молоком приходил для младшего сына, когда я на молочной кухне работала. Он меня не обидит. Придет сюда он, или его мальчишки, я с ними поговорю. Нашу семью знают, мы копейки чужой никогда не взяли. И отца твоего помнят, уважают. А ты, сынок, поезжай. Все утрясется.

- Мама... - Тимур проглотил тяжелый ком в горле.

- Я люблю тебя сынок. – в голосе матери внезапно появились давно забытые нежные нотки. После смерти отца Тимур их ни разу больше не слышал. – Все будет хорошо. Мы скоро увидимся.

- Береги себя!

После разговора с матерью Тимур воспрял духом. Тайный лаз был близок, и уже казалось, что все обойдется. Он повел туристов к пещере, вдоль прекрасного озера, через изумрудную чашу, звенящую от птичьего многоголосья. Солнце было в самом зените, и все было наполнено летним зноем, беззаботным и праздничным, как в детстве. И белые шапки гор, и лазурная гладь озера, и сочные заросли – все, окутанное светом, вселяло радость и надежду. Туристы то и дело охали и фотографировали. Тимур рассказывал легенды про любовь и подвиги древних титанов, которые двигали горы и создавали реки. А потом они вошли в прохладный полумрак пещеры. Там, у самого входа, бил целебный источник.

- Сам Иосиф Виссарионович сюда приезжал, в тайне от всех!

Ну раз даже вождь народов вкушал эту прозрачную горьковатую воду... Туристы набирали полные баклажки и жадно пили из ладоней животворящую жидкость.

- В этой пещере нет голодных духов? – весело спросил Вадим. Ему, похоже, очень нравились рассказы Тимура.

- Нет, здесь нет. Это священное место, светлое. Здесь жизнь, вода. Но горы – это особое место, своенравное, нэпривэтливое. Тут человек лишний.

- Ой ли? Красота же какая неземная! Я вот бы тут домик купил, чтобы жить вдаль от всех. Чтобы только лес, речка и горы вокруг... - размечтался Вадим.

- Нэт, нэт! Нэ думай даже! Горы, вот такие дикие, как здесь, полны дэмонов. И если человек остается с ними один, то они захватывают его, пробуждают в нем самое плохое, и он сам становится как дэмон!

- Тимур, хватит нас пугать! – задорно возразил Вадим.

- Да я что, вот на моей памяти что было... - Тимур слишком увлекся рассказом. Ему нужно было подвести людей к источнику, и тут же уходить, но он расслабился и потерял время. Он не сразу понял, что его догнали. Когда же на входе в пещеру замаячили две внушительные фигуры, бежать было поздно. И Тимур отважно вышел на встречу братьям Квициния, оставив озадаченных туристов у источника.

- Бежать пытался, да? – Старший, Айнар, был спокоен внешне.

- Нет, туристов вот вез в пещеру. Куда же тут сбежишь? Тут везде тупик. Что случилось?

- Случилось? Обманул ты уважаемых людей. Вместе с Астиком обманул. Надо бы извиниться.

- Ну хорошо, хорошо. С Астиком, вы же знаете, я не вожусь с тех пор, как он пить начал, у гостей воровать. Я выкупил у него долю бизнеса и забыл о нем. Уже много лет, как я с Астиком не общаюсь. Если он оговорил меня, так это из мести...

- Врешь, пес плешивый! – в глазах младшего Квициния плескалось безумие. Будто злой демон овладел им.

- Эй, Лаша, остановись! – старший попытался вразумить брата. – Мы же поговорить пришли, не наказывать!

Но тот уже достал обрез.

- Лаша, нет! – Айнар властно встал между братом и Тимуром. Но Лаша, казалось, совсем потерял рассудок.

- Сдохните все, все, кто сюда пришел!

- Лаша!

Раздался громкий выстрел. Айнар схватился за живот и осел на землю. Сквозь его пальцы сочилась кровь. Тимур даже не успел испугаться, как Лаша снова поднял обрез и выстрелил

ему прямо в лицо. Растерзанный мозг еще какое-то время плодил воспоминания – мама, еще веселая и молодая, живой отец, дедушкин воздушный змей в глубокой-глубокой синеве... А потом где-то высоко в небе будто взорвалась звезда, опалив раненное лицо вспышкой горячего света, и все закончилось.

Глава 3

- Так вот, кто напугал вас в таинственном коридоре! – тихо, вполголоса сказал Константин. Он, Алевтина и Вадим стояли ближе всех к выходу из пещеры, и поэтому сразу заметили внезапных гостей. Дюжие, бородатые горцы, переговариваясь между собой по-абхазски, приближались с ленцой, вразвалочку, но даже издали почему-то было очевидно, что намерения у них отнюдь не добрые. Поведение Тимура только подтвердило эти подозрения. Он будто изменился внешне – добродушный веселый толстячок, суетливый, юркий, во мгновение ока превратился в бородатого гнома из сказок Толкиена, опасного в своем спокойствии и мрачной решительности.

- Стойтэ здэсь, я сэйчас рэшү и вэрнүсь.

Издали они все наблюдали за этим странным разговором, который закончился неожиданно быстро и трагично. Сколько раз каждый из них потом будет прокручивать в памяти эту ужасную сцену? Слепящее солнце, подернутое легкой дымкой перьевых облаков. Неожиданная для полудня тень, отбрасываемая утесом, и три фигуры в ней. Тимур, взмахнувший руками в последней, отчаянной попытке удержаться на ногах. Его седеющий затылок, дернувшийся неестественно назад, разлетающаяся плоть и брызги крови на камнях, земле, и густой, почти черной в слепающем свете, растительности...

Кто-то из женщин взвизгнул, и страшный бородач, перед тем застреливший напарника, тут же обернулся на звук. Пару секунд он всматривался в темноту пещеры, скрывавшую их всех, потом с ледяным спокойствием перезарядил обрез и направился прямо к ним. От пещеры его отделяло несколько десятков метров. Ему бы понадобилось меньше минуты, чтобы убить их всех, в этой каменной ловушке. Но внезапно все пространство наполнилось гулом, низким, тревожным, от которого заложило уши и сжались внутренности. Отвесные стены пещеры затрепетали, осыпаясь мелкими камнями и песком, и вход в нее обрушился. Все заволочло пылью. Она застилала глаза, забивала легкие, не давая вдохнуть. Стены продолжали трястись, и этой жуткой пляске камней и воздуха, казалось, не будет конца.

Внезапно страшный грохот, заполняющий собой все, прекратился. Наступила зловещая тишина, прерываемая шипением осыпающегося песка и короткими стуками. Будто и не осталось здесь никого живого. А потом, спустя время, когда шок сменился ужасом, в удушающей тьме послышались жалкие звуки человеческого бытия. Стоны. Кашель. Всклипы. Шепот. «... Царица моя Преплагая, Надежда моя, Богородица...». «Спаси и сохрани, помилуй меня...».

- Все целы? – было сложно понять, кому принадлежал этот мужской голос, срывающийся то ли от страха, то ли от боли. Вроде бы очевидный вопрос оказался слишком сложным. Оглушенная Алевтина, не чувствовала боли. Но лежа на животе и упираясь лицом в землю, она задыхалась от пыли и тяжести мужского тела: Вадим пытался закрыть ее собой от опасности и теперь лежал сверху, не двигаясь.

- Ой-ой-ой... О-о-ох! - завыл, всхлипывая, кто-то из женщин.

Щелкнула зажигалка и слабый огонек осветил лицо Константина. В плотной завесе пыли оно казалось призрачным, почти невидимым.

- Алевтина, ты как? – он был почти рядом.

- Я... я не знаю... Вадим...

- Эй, дружище... - девушка ощутила торможение. – Живой вроде, дышит. Ну давай, приходи в себя!

Тут Константин оттащил Вадима в сторону, и Алевтина смогла наконец перевернуться и сесть. Теперь ей безумно захотелось пить. В сумочке была бутылочка воды, она успела наполнить ее в источнике полностью перед тем, как все это случилось. Но где же она? Аля стала

шарить руками вокруг себя, и очень быстро нащупала искомое. В сумочке был еще и телефон – еще один источник света.

- Отлично, давай сюда! – обрадовался Константин и спрятал, ставшую ненужной, зажигалку в карман. - Мой куда-то улетел, я его сейчас найду. И еще у Тимура был фонарь, вещи-то его в пещере остались...

Рядом кто-то слабо застонал.

- Кто здесь? – пискнула Аля, с тревогой всматриваясь в темноту.

- Ах... я... что... что... где... ах...

На отдалении зажегся еще один фонарик. Его светлое пятнышко двинулось сначала в сторону, к Константину, а потом, выхватив в мутной дымке Вадима, осветило Алевтину и Игоря, лежавшего на боку рядом с ней.

- Ах... - стонал он, прижимая колени к груди. – Не надо, не надо... простите... ах...

Тут, видимо, Константин нашел вещи Тимура, и мощный столп света пронзил пространство. Так нашлись Татьяна и Ирина. Они сидели почти в центре пещеры, прижавшись друг к другу. Татьяна всхлипывала и подвывала, и Ирина молча обнимала ее. Постепенно начал приходить в себя Вадим.

Удивительным образом никто из них не пострадал. Потрясенные и оглушенные, все они еще какое-то время пытались оправиться и взять себя в руки. Кто-то искал свои вещи, кто-то отряхивался от пыли, кто-то просто сидел, всматриваясь в темноту.

Осознание всего ужаса ситуации пришло много позже.

- Мамочки! – вдруг завопила Татьяна. – Это же вход завалило! Как нам теперь вернуться обратно?! Мы все здесь погибнем! А-а-а!!! Мы задохнемся! Нам не хватит здесь воздуха! Ай, я уже не могу дыша-ать! – Она вскочила, потом снова села, потом снова вскочила. В свете фонаря ее лицо, обезображенное гримасой ужаса, казалось чудовищной маской. Потом женщина захрипела, и, хватаясь то за горло, то за грудь, начала метаться по пещере. Ее истерика была страшна. Вадим, пошатываясь, пытался ее поймать и успокоить, но не тут-то было.

- Ну что ты, что ты, Танечка... - лепетала Ирина, по-старчески пытаясь встать с пола. – Танечка, приходи в себя, ну пожалуйста...

Остановил Татьяну Игорь. Он плеснул ей в лицо водой из бутылки, грубо и резко, и она, хватая воздух ртом, осела на пол. Вновь наступила тишина.

- Давайте не будем паниковать. – воспользовался паузой Вадим. – Сейчас спокойно осмотримся. Возможно, есть другой выход.

- Ага, и там нас ждет кровожадный бандит! – презрительно заметил Игорь. – Вы думаете, он не знает все проходы в здешних горах!

- Ой-ой-ой! – вновь взывала Татьяна. – Тогда он нас точно убьет!

- Тихо, тихо! – Вадим, приобняв ее, не давая истерике разгореться с новой силой. – Сидеть здесь и ждать уж точно нет смысла. И потом, мне кажется, что наш экскурсовод прекрасно знал, что его преследуют. А раз так, то он не мог бежать к тупику. Наверняка, здесь где-то есть продолжение пути. Пещера небольшая, нужно побыстрее осмотреться.

Возражать ему никто не стал. С трудом поднявшись, Вадим взял у Константина телефон с фонариком, и они вдвоем стали изучать стены пещеры. Достаточно быстро в самом дальнем углу обнаружился узкая щель. Свет фонаря терялся в ее глубине, и было не понятно, лаз ли это, или ведущая в тупик расщелина.

- Нужно проверить. – Вадим с сомнением разглядывал темный проем.

- А если это тупик? Вдруг там можно только застрять? – Константин перевел свет фонаря на их маленькую экскурсионную группку.

- Я проверю, - вдруг вызвалась женщина средних лет - та, которая всю дорогу молчала и держалась в стороне. Худая и невысокая, она как нельзя лучше подходила для того, чтобы попытаться пролезть через расщелину.

- Нет! – взвизгнула Татьяна. – Мы должны держаться вместе!

- Но почему?

- А вдруг она сейчас выберется и нас тут бросит! Или подопрет камнем с той стороны выход? Я такое в кино видела, у Бондарчука! Мы же не знаем, вдруг она заодно с этими бандитами! Она же ничего про себя не рассказывала! Откуда она взялась?! Привезли нас сюда, чтобы ограбить и убить!

Не слушая ее криков, женщина юркнула в лаз и скрылась в его глубине.

- Держите ее! – вопила Татьяна. – Идите же следом! Да что там, я сама! – и она неожиданно для всех, протиснувшись в щель и тут же скрылась из виду.

- Эй, стой! – Вадим попытался было ее поймать, но последовать дальше в лаз не решился. – Если там тупик, то они обе там застрянут. – пояснил он. – Надо подождать.

Спустя некоторое время, когда уже казалось, что никто из женщин не вернется обратно, из щели донеслось шуршание.

- Все в порядке, там выход, пошли! – в свете фонаря худое лицо женщины было похоже на череп. – Сначала будет узко, потом будет поворот направо и немного вверх, а потом щель расширится и выйдет в небольшой грот.

Эти слова вызвали оживление. Выход есть!

Алевтина смотрела на лаз с ужасом. Никогда в жизни ей не протиснуться в него! Вадим долго подбадривал и уговаривал девушку, но та только молча мотала головой: нет! Наконец, мужчина сдался:

- Ну хорошо, у тебя же есть смартфон, в нем фонарь. Вода у тебя есть? Будешь тогда ждать здесь, пока я приведу подмогу. Хорошо?

Какое там «хорошо»?! Но деваться было некуда. Вадим скрылся в щели, и наступила полная, оглушающая тишина. Алевтина проверила уровень заряда телефона – пятьдесят шесть процентов. Если пользоваться фонарем непрерывно, то хватит минут на сорок. Сколько времени понадобится, чтобы привести сюда спасателей? Час? Два? Сутки? Скрепя сердце, девушка выключила фонарь и села на пол. В гулкой пустоте ее частое дыхание было слишком шумным. Темноты Алевтина боялась с детства. Мама даже водила ее к психологу, сначала к одному, потом к другому, а позже, уже во взрослом возрасте - к третьему. Все они учили ее справляться со своими страхами дыханием. «Все в порядке, нужно только дышать... - думала про себя Аля. – Раз-два-три... Раз-два-три-четыре...». Долгий выдох на счет не получился, и она, вдохнув слишком резко, почувствовала во рту и горле мелкую горную пыль. Пещера наполнилась звуками ее сдавленного кашля, усиливавшимися многократным эхом. «Кха-ха-ха!» - казалось, все пространство, передразнивая, издевалось над ней. И в этой жуткой какофонии Алевтине вдруг почудился другой, более пугающий звук. Даваясь в попытке совладать с кашлем, она прислушалась. Так и есть! Откуда-то из темноты доносилось ритмичное: шкряб-шкряб-шкряб. Все еще сдавленно кашляя, Алевтина включила фонарик. Он выхватил небольшой участок пещеры перед ней. Шкряб-шкряб – явственно несло из темноты, оттуда, куда свет фонаря не доставал. Внезапно наступила тишина. Тридцать пять процентов заряда! Алевтина, колеблясь, выключила фонарь. Вроде тихо. Она медленно выдохнула. Наверное, все-таки, показалось. Темнота растягивала время в длинную тягучую пытку. Воображение рисовало монстров в черных нишах, бандита по ту сторону завала, крыс и червей, готовых впиться в ее пальцы. Не выдержав, Аля снова включила фонарь. Вокруг было пусто. Мелкие пылинки плясали в потоке света, и все казалось серо-черным. Заряда было все меньше и меньше, но вернуться в полную темноту казалось невыносимым. Внезапно справа, гораздо ближе, чем раньше послышалось: шкряб-шкряб-шкряб! Алевтина дрожащей рукой направила фонарь туда, откуда доносился звук, и с ужасом увидела невнятную тень в углу размером с небольшую собаку. От страха девушка выронила телефон. Луч света от фонаря рассек темноту пещеры и погас. Шкрябанье резко прекратилось. Алевтина опустилась на колени в поисках телефона, понимая,

что он наверняка разбился. В этот момент раздался шлепок – что-то будто прыгнув, приземлилось на пол и, царапая его когтями, бросилось к девушке. Алевтина закричала и бросилась к стене. На ее счастье, лаз оказался сразу позади нее. Втянув живот, Аля резко втиснулась в узкую щель, чувствуя, как острые камни впиваются в тело, но что-то липкое, страшное, вцепилось ей в ногу, прямо в щиколотку и потянуло на себя. Алевтина заорала от ужаса и отворачиваясь, пытаясь освободиться, но все ее тело – живот, грудь, бедра – застряло между камней как в тисках. Она не могла наклониться и помочь себе второй ногой, не могла продвинуться вперед. Внезапно то, что держало ее за щиколотку, заползло под штанину и двинулось вверх по ноге, обвивая и поглаживая сначала колено, потом бедро. Девушка с ужасом осознавала, куда направлено это слизкое, мерзкое движение, но не могла пошевелиться. «Голодные духи» – всплыла в памяти фраза, брошенная Тимуром, которая тут же возродила еще более страшные воспоминания из темного коридора. Неистово завопив, Алевтина задергалась, отталкиваясь от стен руками, и что есть силы втягивая живот, и вдруг ей удалось сдвинуться буквально на сантиметр вперед, потом еще на один, и тут, наконец, лаз стал чуть шире. Сосредоточенная на преодолении сопротивления, Аля не сразу поняла, что ее больше ничего не держит. От напряжения по спине и от подмышек вниз струился пот, ноги дрожали, но останавливаться было нельзя. Наконец, Алевтина уперлась в стену. «Потом будет поворот направо и немного вверх». Так и есть! Впереди заблестело светлое пятно. Выход! Из грота открылся захватывающий вид на горную долину, изумрудную в лучах кренящегося к горизонту солнца. Метрах в ста от входа Алевтина увидела свою группу. Удивительно, но они не успели уйти далеко.

- Стойте! Подождите! – закричала она им вслед. Бежать, и даже идти не было сил. Она тяжело опустилась на колени и заплакала, размазывая слезы и пыль по грязному лицу.

Подбежавший очень быстро Вадим обнял ее и начал утешать.

- Умница, умница! – он гладил ее по голове и повторял: «умница, умница...».

- Ну вы идете?! – закричал кто-то из группы. Конечно же, надо идти! Она и забыла, что их преследует жестокий бандит, и что смертельная опасность никуда не делась.

- Мы решили уйти в сторону от выхода, к небольшой ложбине, вон там справа. Мы высмотрели, что там есть роща. В ней и переночуем и обдумаем план действий. Главное, чтобы нас сейчас не застали здесь. Ну все, вставай.

Путь к роще оказался не быстрым. Тогда они впервые поняли, как обманчивы могут быть горы. Дважды их группа упиралась в обрыв, пока наконец они не вышли на узкую тропинку, сплошь покрытую коровьими лепешками. Она-то и привела их к тенистым зарослям уже тогда, когда солнце окрасило горизонт в красно-фиолетовые тона.

- В горах ночью ходить нельзя! – поучал всех Вадим. – Я в студенчестве ходил в походы и хорошо это правило усвоил.

- Почему это? – вяло спросила Ирина. Она была против ночевки, считая, что нужно поскорее выйти к людям. – Предрассудки какие-то? Мистика?

- Да нет! Просто в горах и днем-то опасно идти, в любой момент можно наткнуться на провал или обрыв. А ночью, когда ничего не видно, это верная смерть.

- У нас же есть фонари, телефоны... – не соглашалась Ирина.

- Фонари, телефоны... Вот придет ночь, я вам докажу, хорошо? А пока просто поверьте мне на слово.

Потом они долго спорили, нужно ли разводить костер. Константин настаивал на том, что нужно согреться, а Вадим упирал на то, что дым и огонь привлекут внимание бандита. Сошлись на том, чтобы ночевать без костра.

В роще было тихо и прохладно. Почти сразу они вышли к небольшому ручью, пробивавшемуся сквозь заросшие мхом камни.

- Вот здесь у воды и расположимся! – объявил Вадим. На правах бывалого туриста он взялся руководить их группой.

- Сейчас бы неплохо поужинать... - тоскливо протянула Татьяна. Она села на камень у ручья, и, сняв босоножки, опустила в него ноги. Ее натертые, израненные острыми камнями и растительностью ступни сразу окутала вода. Она бурлила и заворачивалась, искрясь в лучах заходящего солнца.

- Завораживающе... -Ирина села рядом с Татьяной. – Я вот купаться не очень люблю, плавать не умею. И вот в детстве, когда мы ходили с друзьями на речку, они сразу бросались плюхаться и нырять... А я всегда вот так сяду, чтобы волны накатывали только на ноги, и смотрю-смотрю... И все будто живое в этом чарующем потоке, вся вода живая...

Константин вопреки принятому решению не разводил костра, взялся собирать хворост и сухие ветки. На вопрос Вадима он только пожал плечами и бросил короткое: «пригодится». Действительно, пригодилось. Как только солнце окончательно скрылось за горизонтом, стало резко холодать. Поеживаясь, вся их группа сгрудилась у сложенных в кучу веток, с тоской представляя себе, как они горели бы, уютно потрескивая и распространяя тепло. И как хорошо, если бы их пламя грело бы в котелке воду, а в углях в тонкой фольге пеклась бы картошечка...

- Надо бы все же костер, – прервал мрачное молчание Игорь. – Холодно слишком. Да и звери дикие вокруг, огонь отпугнет.

- Нет. Вокруг не только звери, но бандиты. А холодно – так потерпи. – Вадим был непреклонен.

- Тебе ли, бывалому бродяге, не знать, что в горах по ночам бывают заморозки? – ехидно заметил Константин.

- Да, давайте разведем костер, - дрожащим голосом попросила Ирина. – Я и так мерзну всегда, старость все-таки...

- Ира, нужно потерпеть! – грозным шепотом сказала Татьяна. Она, очевидно, симпатизировала Вадиму, и потому во всех вопросах занимала его сторону. – Эти абхазы, они же звери, не люди! И нас они не любят, никогда не любили! Ограбят и закопают всех живьем! А женщин вообще сначала... изнасилуют! Все они такие! – она распалялась все сильнее, и ее гневная речь снова напоминала истерику. – У меня на вечер был ресторан забронирован, на берегу моря! Ко мне подружка вечером приехать должна, что она теперь думает? Я в ресторане должна сейчас сидеть, морем любоваться! А я что? Что я этим бандитам сделала? Тимур этот, специально! Он нас в заложники захватил, хотел прикрыться нами от бандитов! Или откупиться! Будь он проклят! Проклят! Все они здесь, проклятые, пусть сдохнут...

- Ш-ш-ш! – Вадим закрыл ей рот рукой, и поток брани оборвался. – Там что-то есть, в чаще.

Они прислушались. Сначала было тихо. А потом вроде как хрустнула ветка.

- Кто-то идет...

- Нет, это не шаги...

Потом снова все стихло. Еще минут десять они прислушивались, но ничего не нарушало ночного природного безмолвия.

- И все же нужен костер. Помолчи Вадим, не возражай. Я сейчас поднимусь выше по склону и разведу на расстоянии, в пределах видимости, огонь. Полночи он там погорит. А мы здесь будем дежурить по одному, по три часа. И когда кто-то к тому костру подойдет - мы увидим, и наш тут же затушим.

Так и сделали. Константин взял охапку хвороста и отправился в путь. Ночь была необычайно темная. Тонкий месяц луны только всходил над горизонтом, и небо усеялось бесчисленными звездами. Но все это только усиливало черноту вокруг.

Наконец вдалеке вспыхнул огонек человеческого присутствия. Теперь можно было развести костер. Предстояла их первая ночь в горах, полная переживаний и тревог. Но какой она была спокойной по сравнению с чередой несчастий, которые ждали их впереди!

Глава 4

Алевтина с ужасом осознала, что она по-прежнему находится в узком лазу обрушившейся пещеры. И что-то все так же держит ее за ногу липкими щупальцами. Сзади и спереди подпиравшие стены врезались в ее тело острыми камнями, не давая даже вдохнуть. Щупальце на щиколотке противно чавкнуло и плотнее впилося в ногу. Алевтина дернулась и попыталась продвинуться вперед, но только крепче застряла в узкой щели. Что-то с новой силой потянуло ее за ногу обратно в пещеру, и девушка в ужасе снова и снова начала протискиваться вперед. От этого усилия ее футболка и брюки затрещали, и внезапно она поняла, что стоит в расщелине совершенно голая и беспомощная. Ноги ее оказались расставленными слишком широко – одной она тянулась вперед, а вторую неведомая тварь оттягивала на себя, назад. Стены еще плотнее сжали ее со всех сторон, и щупальце, влажное, склизкое поползло вверх по ноге. Еще одно щупальце появилось откуда-то сверху: оно скользнуло по лицу, и, протершись по губам, настойчиво попыталось заползти в рот. Алевтина сжала зубы, чувствуя, как тошнота подкапывает к горлу, но щупальце обвилось вокруг ее шеи, чмокая и всасываясь в нее, сдавливая и лишая воздуха. Девушка, в попытке вдохнуть, приоткрыла рот, и щупальце проскользнуло сквозь губы, жадно ловя ее язык и наполняя рот горечью. В это время еще одно щупальце обвило вторую ногу, неуклонно поднимаясь вверх. Алевтина уже не могла пошевелиться – вокруг были камни и темнота, и все это сдавливало, обездвиживало. Когда чавкающее, влажное щупальце сжало внутреннюю поверхность бедра, Аля вдруг с отвращением осознала, что к ее кошмару примешивается жгучее желание. Щупальце будто почувствовало это и замерло, а потом начало двигаться медленнее, растягивая и усиливая ее возбуждение. Алевтина понимала, что это наваждение, ловушка, из которой нужно выбираться скорее, и она снова дернулась вперед, но лаз стал еще уже. А ведь он должен расширяться к выходу? Они же все вышли?! Что же тогда в этом чудовищном месте истинная западня? Тем временем щупальце проползло у нее между ягодиц, оставляя ощущение мерзкой слизи. Оно будто ощупывало и продумывало, откуда начать терзать свою жертву. Наконец, щупальце на миг оторвавшись от ноги, больно шлепнуло ее в промежность, и тут же резко вошло внутрь, расширяясь и пульсируя. Алевтина закричала от дикой боли, ей показалось что эта мерзкая тварь рвет ее изнутри, а острые стены терзают снаружи. Темнота стала еще чернее, еще страшнее, и в этот миг девушка проснулась.

Уже светало. Вадим, властно обняв ее, храпел в ухо. У догорающего костра, съезжившись, дремал Игорь. Все спали. Алевтина высвободилась и направилась к ручью. Она все еще была во власти ночного кошмара. Неужели и вправду есть в этом мире что-то потустороннее, мистическое? Призраки, чудовища? Или это воображение? Вчера вечером, пока Константин с Вадимом обговаривали план отвлечения бандита и ночные дежурства, Алевтина решила поделиться с женщинами своими переживаниями по поводу тоннеля, духов и существа в пещере. С мужчинами это обговаривать было как-то стыдно. Ирина только вздохнула, а Татьяна хихикнула, сказав, что Аля, видимо, пытается всячески привлечь внимание мужской части группы. Вера – женщина, которая первой пошла в лаз, сказала, что это подсознание, которое в стрессе начинает «чудить». Она так и сказала – «чудить». Ее слова, отстраненные, равнодушные, еще сильнее напугали Алевтину. Неужели ее теперь все время будут преследовать эти «духи», и неважно, существуют ли они на самом деле, или выдуманы взбудораженным разумом? И неужели ее ночной кошмар стал этому подтверждением?

Алевтина содрогнулась, вспомнив его подробности. Стараясь отвлечься, девушка зачерпнула рукой холодную воду и сделала несколько глотков. Во рту приятно зашипало, и страхи ночи постепенно отступили. Аля умылась и, вытерев лицо подолом футболки, осмотрелась. Солнце уже встало, и вся роща наполнилась светом. Лучи проникали сквозь густые кроны,

рассеиваясь и ложась пятнами на зеленую, усыпанную росой, траву. Кое-где, между ветвей, во влажном воздухе мелькали радужные круги. Кора деревьев, хвойные ветви, кучи валежника – все это источало тонкий, приятный лесной аромат. Утро выдалось чудесным! Алевтина вздохнула и направилась к группе. Костер уже успел совсем погаснуть, да он уже и не был нужен.

Потрясения вчерашнего дня постепенно укладывались, и на фоне эмоционального спада голод становился нестерпимым. Алевтина вспомнила, что в сумочке у нее должны были быть диетические хлебцы, которые она носила с собой для перекусов по совету диетолога. Но и сумочка, и хлебцы, и другие необходимые вещи в ней остались в пещере. Потом девушка вспомнила и про разбитый телефон. Мама, наверное, очень волнуется! Мысль о маме напомнила о доме, о вкусном завтраке и людной улице под окном.

- Что моя принцесса загрустила? – Вадим подкрался незаметно сзади, и крепко обнял Алевтину. Это внезапное прикосновение, руки, сомкнутые под грудью, жаркое дыхание напомнили о ночном кошмаре. Девушка резко высвободилась и поспешила скрыться за сосной у ручья. Ее вырвало.

- Ты что? Что с тобой? – Вадим в недоумении стоял на отдалении, не решаясь приблизиться. – Тебе плохо?

Алевтина, тяжело дыша, присела у воды и второй раз за утро умылась. Вадим сел рядом и сочувственно погладил ее по спине...

Утром, впрочем, как и прошлым вечером, связи не было.

- Нужно бы вернуться в пещеру и взять телефон в вещах Тимура, - как только все начали обсуждать план дальнейших действий, предложил Константин. – помните, у него была связь, когда у нас уже ничего не ловило.

- Ну да, и тут же попасть в лапы к бандиту! – возразил Вадим. – Он и по телефону может нас отследить, и в пещере поджидать. Смотрите, видите вон реку. По ней мы очень быстро выйдем к людям. А где люди, там и связь.

- Расстояния в горах обманчивы. – подала голос Вера.

Вадим только махнул рукой – что ты понимаешь, женщина!

- Нам нужно разделиться. – Константин показал на опухшие ноги Татьяны. – Женщины и ты, Вадим, останетесь здесь, а мы с Игорем пойдем вниз по течению, найдем и приведем помощь.

- Еще чего! – возмутился Вадим. – Нужно держаться вместе.

- Татьяну в босоножках ты на руках понесешь? А оставлять их одних нельзя, в горах помимо бандитов есть еще и другие личности, представляющие опасность для одиноких дам.

Вадим не соглашался.

- Да с чего ты взялся нами управлять? – с холодным равнодушием вдруг спросил Игорь. – Думаешь, самый умный и опытный?

- Да, думаю! Я по крайней мере раньше был в горах и знаю, как себя вести!

- Ну хорошо, давай тогда мы с тобой пойдем вперед, а Костян с женщинами останется. – тут Игорь задорно подмигнул Вадиму, и повернувшись к остальным, ехидно добавил: - я бы не стал оставлять козла в огороде, он всю капусту пере...

Закончить он не успел. Вадим подскочил к нему и толкнул в грудь. Константин попытался встать между ними, но Игорь снова сказал что-то сальное, и конфликт разгорелся с новой силой.

А дальше в ход их путешествия вмешался случай.

Пока они спорили, Ирина отчаянно искала связь. Ей подумалось, что если пройти чуть вперед, то должны появиться заветные полосочки на телефоне. Чтобы не потеряться, она взяла вправо, постоянно сверяясь с экраном. Внезапно в нос ударил ужасающий запах. Ирина отвлеклась от телефона и осмотрелась. Лес как лес. Женщина зачем-то прошла чуть вперед, туда, откуда доносилась вонь, и раздвинув ветки, в ужасе закричала. Она продолжала вопить даже

тогда, когда на ее крик примчались остальные, и Татьяна начала совать ей в руки бутылку с водой.

- Вот это да... - в голосе Вадима слышалось отвращение, смешанное со страхом. Картина, открывавшаяся перед ними, и не могла вызвать других чувств. На большой поляне, окруженной высокими елями и соснами, виднелся ряд холмов – недавних могил. О том, что это захоронения, можно было догадаться по плохо засыпанной яме, из которой и доносился запах разложения. У ямы валялось несколько лопат с почерневшими черенками. Трава вокруг казалась частично выжженной, но при более близком рассмотрении становилось понятным, что растительность местами покрыта странным черным налетом. В яме, слегка присыпанное землей, лежало обугленное тело. Вадим зачем-то взял лопату и, закрыв нос платком, спустился в могилу. Через какое-то время он вылез назад, уже с берцами.

- Вот! – продолжая закрывать нос платком, победно заявил он.

И тут до всех дошел смысл его действия.

- Нет! – завопила Татьяна и отступила назад. – Нет, ни за что!

- Да я их сейчас в ручье отмою, - уговаривал ее Вадим. – И можно идти всем вместе.

- С покойника?! Нет! Да я лучше босиком...

- Если ты, дура, сломаешь ногу босиком, то останешься здесь, дожидаться бандита. – злобно прошипел Игорь. Татьяна изменилась в лице. Она с ужасом смотрела на берцы, грязные, со следами гниющей плоти, и вспоминала, как голова Тимура дернулась назад, и кровь с мозгами разлетелась в разные стороны.

Внезапно с соседней могилы осыпалась земля.

- Ух ты, восстание мертвецов! – Игоря, похоже, все это забавляло.

- Это естественный процесс, - спокойно пояснил Константин. – Тело, разлагаясь, выделяет газы, и если захоронение неглубокое, то они будут выходить на поверхность. Как гейзеры в зоне вулканизма.

- То есть, тело... то, которое там, может взорваться? – с ужасом спросила Алевтина.

- Ну да. Не вылезет же оттуда мертвец.

В этот момент земляной вал будто вздрогнул. Аля развернулась и бросилась наутек. Ей не хотелось проверять, природный ли это процесс, или мистическим образом оживший покойник. Остановилась она только у потухшего костра в их импровизированном лагере. Скоро подтянулись и остальные. Вадим тщательно промыл сапоги, снятые с трупа, в ручье. Алевтина смотрела на темные потоки воды, вымываемой из голенищ, и чувствовала, как к горлу снова подступает тошнота. Смогла бы она их надеть, если бы перед ней стоял такой же выбор, как перед Татьяной?

Однако Вадим решил этот вопрос по-рыцарски. Он снял свои ботинки и отдал их женщине, а себе оставил берцы мертвеца. Казалось, что даже отмытые, они источали едва заметную трупную вонь. Или это все игры разума?

Кладбище, а это несомненно, было оно, еще больше утвердило их всех в том, что местность эта хорошо известна абхазским бандитам. Такое захоронение могут сделать только головорезы, избавляющиеся от трупов. Вполне вероятно, что в одной из могил уже лежит Тимур. А может и кто-то из их группы в ближайшее время окажется там же? Эта мысль пугала больше всего. Подстегиваемые ею, все они устремились вперед, к людям.

Из рощи, расположенной в низине, нужно было подняться наверх, к гроту, и только потом снова начать спуск. С высокого уступа открывался вид на широкую горную долину. В самом ее центре поблескивала река, которая, несомненно, несла свои воды к морю. Если прижмуриться, то можно было даже рассмотреть какие-то строения на горизонте. Наверняка это горная деревня, и там есть и связь, и еда. Нужно только успеть туда раньше бандита.

Однако в тот день, полный открытий и сюрпризов, они не дошли даже до реки. Тропинка то и дело пропадала. Несколько раз они упирались в обрывы, скрывающиеся в густой траве.

Весь склон был пропитан водой – она стекала от тающих на вершинах ледников вниз, к реке, кое-где соединяясь в узенькие ручейки, а местами просто просачиваясь сквозь растительность и камни. Вся поверхность вокруг была мокрой и скользкой. Их нестройная группа растянулась по склону вопреки указаниям Вадима держаться рядом. Женщины, особенно Ирина и Татьяна, ковыляли медленно, то и дело присаживаясь отдохнуть. Алевтина была ничем не лучше. Замыкающий группу Константин не мог никак заставить идти их быстрее. Он злился и на немощных старух, и на толстую, неповоротливую Алевтину, и на упрямого Вадима, который не захотел разделиться, что теперь ставило под угрозу их всех.

К обеду, под полуденным солнцем отстающая часть группы окончательно выбилась из сил.

- Стой! Сто-ой! Нужен прива-ал! При-и-ва-ал! – закричал Константин идущим уже далеко впереди Вадиму и Игорю. Те, оглядываясь, остановились.

- Придется бабок подождать... лениво прикуривая невесть откуда взятую сигарету, заметил Игорь. Свежий, подтянутый, молодой, он вызывал у Вадима раздражение, смешанное с завистью. – И жируху эту. Смотри, как у нее смешно сиськи трясутся, когда она торопится. Ух ты, подскользнулась! Плюх-плюх, не люблю толстух.

Вадим промолчал. Он уже порядком устал от этой безумной гонки, но старался не подавать виду. Вступить в полемику означало потерять силы. Поэтому выбрав более-менее свободное от воды и коровьего дерьма место, он расположился на отдых. «Странно... - пробормотал Вадим себе под нос. – Лепешки есть, а коров нет... должно же быть где-то стадо... А где стадо, там и пастухи... где пастухи, там и связь...».

Наконец, все собрались вместе.

- Надо что-то решать! Мы такими темпами быстро никуда не дойдем. – Константин был взвинчен и раздражен.

- А не нужно нас обвинять! – ринулась в атаку Татьяна. – Мы женщины немолодые уже, как можем, так и идем.

- Так нужно было остаться на месте и дожждаться помощи!

- Помощи?! Бандита, хочешь сказать! Чтобы он нас поймал, а за вами не гнался! Хитрый план!

Константин только махнул рукой. Что тут уже спорить.

Голодный привал облегчения не принес. Посидев минут двадцать под палящим солнцем, они двинулись дальше.

- Ну как тебе ботиночки? – с ухмылкой спросил Игорь Вадима. Тот только крепче сжал зубы. Мокрая обувь при ходьбе издавала противный чвакающий звук, будто бы внутри все еще осталась превратившаяся в жижу плоть. – Не жмут? Воняют только тухлятиной. Ты, что, плохо их выполоскал?

Не выдержав, Вадим отскочил в сторону и согнулся пополам в приступе рвоты.

- Зачем ты это делаешь? – спросила, наблюдавшая за этой сценой, Вера.

- Да бесит он меня, – пожал плечами Игорь. – Похож на одного моего знакомого. Такой же стареющий молодящийся козел, считающий себя рыцарем-героем. Гештальт, так сказать, закрываю.

Вера не ответила. Ей было все равно.

Алевтина изо всех сил старалась не отстать, но ей это удавалось плохо. От голода болела голова и немного подташнивало, а в ногах чувствовалась какая-то нездоровая слабость. Палящее солнце отнимало силы, и бутылка с водой давно опустела. Довершением ко всем страданиям, а может быть и даже наоборот, их источником, была тупая боль внизу живота, напоминающая о мерзком ночном кошмаре. Женщины с Константином уже давно обошли ее и скрылись за каменистым выступом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.